

Интервью

VR Мы начинаем новый проект – серию интервью с ведущими экономическими социологами и теми, кто внес серьезный вклад в развитие этой дисциплины. Авторам, представляющим наиболее важные направления экономической социологии или наиболее важные смежные дисциплины, задаются несколько фундаментальных вопросов о состоянии и основных направлениях экономической социологии, наиболее значимых работах и перспективных темах исследований. Присутствие интервьюера в этих беседах по исходному замыслу будет минимальным. Мы старались воздерживаться от того, чтобы подсказывать, подталкивать, выводить разговор на какую-то определенную линию. Как правило, до начала интервью я информировал коллег лишь о его общей направленности, не сообщая заранее конкретных вопросов. Поэтому многие высказывания являются не столько систематизированным академическим изложением (которое мы можем прочесть в статьях), сколько первой живой реакцией, указанием на наиболее значимое, интересное.

Таких интервью собрано уже достаточно, чтобы опубликовать их даже не по одному, а по два в каждом номере. Нас ожидают встречи с людьми, которые во многом определяют сегодня развитие данной области – М.Грановеттером, Р.Сведбергом, Н.Флигстином и многими другими. Вы заметите, насколько по-разному они видят состав направлений экономической социологии, ее прорывные точки и перспективы. И это несмотря на то, что многие из них прекрасно знают друг друга и относительно регулярно общаются. Видимо, дело не в том (или не только в том), что «все люди разные», но в самом состоянии современной экономической социологии – подвижной, становящейся.

Мы начинаем нашу новую серию с двух интервью. Первое – с **Дэвидом Старком**, имя которого уже нам хорошо известно. Дэвид Старк, несомненно, является одной из наиболее ярких фигур в современной экономической социологии. Прежде всего он известен в связи с теорией организаций и сетевым подходом. Кроме того, он считается одним из ведущих специалистов по проблемам посткоммунистических экономик Восточной Европы (в первую очередь, Венгрии). Самая известная его статья была переведена на русский язык и опубликована в журнале «Вопросы экономики» (см. библиографию после интервью). Он выступал с докладом на организованной нами международной конференции «Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия» (Москва, январь 2000 г.). Мы дважды размещали работы Старка в нашем журнале¹.

Второе интервью – с **Фредом Блоком**, труды которого российским специалистам пока, наоборот, почти не знакомы. Между тем, он хорошо известен своей книгой «Постиндустриальные возможности», нацеленной на критику неоклассического направления в экономической теории, стал одним из авторов самого влиятельного сборника работ по экономической социологии под редакцией Н.Смелсера и Р.Сведберга (Handbook of Economic Sociology, 1994), представив важную главу о роли

---

¹ Его новая большая статья о гетерархии на английском языке находится в Томе 1, № 2, а перевод ее основной теоретической части – в Томе 2, № 2. Полный текст данного перевода готовится нами к публикации в книге: Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и научн. ред. В.В.Радаев. М.: РОССПЭН, 2002 (в печати).

государства в хозяйственной жизни. В 2001 г. вышло новое издание книги К.Поланьи «Великая трансформация» с расширенным предисловием Ф.Блока (см. библиографию после интервью).

ДЭВИД СТАРК

30 июня 2001 г., Амстердам

IR Незадолго до интервью мы пили кофе в одном из амстердамских баров поблизости от университета, где проходила конференция SASE. Выяснилось, что у Дэвида две дочери-близняшки тинейджерского возраста. Он говорил о них с неподдельной радостью и каким-то удивлением. Этот разговор невольно вспомнился мне 11 октября 2001 г., когда самолеты протаранили высотные здания в Нью-Йорке, где живет Дэвид. В ответ на мое письмо он написал, что с ним и его семьей все в порядке. Хотя был шанс, что он сам мог оказаться в тот день в соседнем здании вместе со своим аспирантом – по каким-то обстоятельствам встреча была перенесена.

* * *

- Дэвид, Вы называете себя экономсоциологом. А когда это произошло впервые? Когда Вы начали сознавать себя экономсоциологом? Когда Вы начали читать курсы именно по экономической социологии?

- Полагаю, это началось, когда я читал курсы по теории организаций в Университете Висконсина еще в середине 1980-х гг. Но когда я мысленно возвращаюсь в то время, мне кажется, что тогда я еще не считал себя экономсоциологом. Должно быть, это произошло позднее – в самом конце 1980-х – начале 1990-х годов. И я думаю это случилось... Впрочем, нет, не так, теперь я вспомнил. Я начал считать себя экономсоциологом, когда я работал над статьей «Труд, стоимость и справедливость» [Work, Worth, and Justice]. Это было в 1986 г. в Париже. В основу работы было положено эмпирическое исследование, проведенное мною на венгерских фабриках. А до того момента я считал себя, в первую очередь, социологом политики и социологом организаций.

Перемена произошла во время сотрудничества с одним из студентов Пьера Бурдые – французским социологом Люком Болтански (который в то время тоже не считал себя экономсоциологом) и экономистом Лораном Тевено. Мы много разговаривали, в том числе, все больше – о взаимодействии между экономической теорией и социологией. И когда я писал «Труд, стоимость и справедливость», я, наверное, как раз прочел работу Марка Грановеттера и подумал: «О, да я занимаюсь экономической социологией!».

- А как бы Вы определили основное течение (или течения) экономической социологии? Какие течения образуют сегодня современную экономическую социологию как самостоятельную дисциплину?

- Полагаю, одна из проблем экономической социологии как раз и состоит в том, что, насколько я могу судить по своей работе, это область, которая уже точно знает, каковы ее основные течения. Я думаю, что подобная сформированность несколько преждевременна, но на данный момент в число основных направлений включаются: сетевой анализ, экологическая теория организаций, институционализм и, наверное, некоторые версии социологии рационального выбора.

К примеру, на кафедре социологии Колумбийского университета была вакансия преподавателя экономической социологии. И каждый из кандидатов на это место (это все были молодые аспиранты, желавшие получить место ассистента) начинал разговор так: «Я исследую разные темы». Они начинали говорить: «Я экономсоциолог, и сейчас я работаю в рамках сетевого анализа, экологической теории организаций и институционализма». Да, и еще теории рационального выбора упоминались в различных комбинациях. И я, послушав все эти речи, а также почитав кое-что, пришел к выводу, что это еще очень молодое поле. Оно действительно молодое, ему всего лишь десять лет, и лишь половину этого времени оно существует в качестве самостоятельного поля.

Конечно, в то же время экономическая социология продолжает одну из наиболее давних социологических традиций. И то, что в столь юные свои годы оно «замыкается» на достаточно ограниченном числе направлений, можно считать проявлением силы. Разумеется также, мною были названы не все направления, а только то, что бросается в глаза в первую очередь. И все же число этих направлений весьма ограничено. А линии водораздела прочерчены четко и недвусмысленно. Я сейчас пытаюсь немного изменить создавшееся положение, задать вопросом: а знаем ли мы уже наверняка, каковы будут основные подходы в данном поле? Может быть, у экономической социологии есть время разработать новые типы идей – и они подтолкнут нас к новому витку развития?

- Если я правильно понимаю, люди, как правило, идентифицируют себя одновременно с несколькими полями, говоря: «Я работаю в традиции сетевой теории, институционализма...» Как, например, в Вашем случае, Вы, вероятно, относите себя не к какому-то одному полю, а сразу к нескольким полям. Кстати, какие это поля?

- Да, конечно, я не отношу себя к одному полю. Я бы сказал, что отчасти я использую наработки сетевого анализа, отчасти я институционалист. Но я уже начал задумываться над тем, являюсь ли я по-прежнему институционалистом.

- А теория организаций?

- В общем, да. Я думаю, что почти вся экономическая социология так или иначе связана с теорией организаций. В упомянутой мною третьей категории я выделил собственно организационную экологию [population ecology of organizations]. Она также оказала на меня влияние.

- А могли бы Вы указать на какие-то наиболее примечательные события в области экономической социологии? Например, не появились ли какие-то книги или статьи, скажем, за последние два-три-четыре года, которые можно назвать особенными, необычными, важными?

- Ну, есть какие-то очевидные вещи. Как, например, работа Хэррисона Уайта «Откуда появляются рынки?»² – она вполне заслуживает того, чтобы стать классикой. Правда, это довольно давнишняя работа.

- Да, она вышла двадцать лет назад.

- Верно, двадцать лет назад. Вы спрашиваете о чем-то более новом, что меня заинтересовало?

---

² White, Harrison. Where do Markets Come From? // *American Journal of Sociology*, Vol. 87, 1981. P. 517-547.

- Да, поскольку классику мы все более или менее знаем. А вот с новыми работами всё не столь однозначно.

- Давайте поставим вопрос несколько иначе: какие наиболее интересные направления возникают сейчас в рамках экономической социологии? И я скажу Вам то, что говорю сейчас своим студентам. Я говорю им, что самое интересное, что происходит сейчас в социологии и, в частности, в экономической социологии, – это пересечение экономической социологии с исследованиями науки и технологий. Я имею в виду здесь, например, работы французских исследователей науки и технологий, особенно Бруно Латура и Мишеля Каллона.

Что дают нам исследования науки и технологий? Они обращают ваше внимание на вещи, на физические артефакты, существующие вокруг нас. И если задуматься об этом, если взять, к примеру, сетевой анализ – в его стандартном американском или западноевропейском варианте, который авторы, подобные Латуру, критикуют за присущий ему социологизм, – то получается, что мир составляют только люди, и все. А Латур говорит, что мир, помимо людей, состоит и из множества вещей. И что социологию следует понимать как распределение связей [assignments of associations], не сводимых к отношениям между людьми. Это целый ансамбль связей: прежде всего человека с человеком, организаций с организациями, но также человека с вещами, человека с идеями, это также связи идей с вещами. И вот вся эта общая структура связей должна стать объектом исследования социологии. Именно тогда сетевой анализ становится анализом сетей, которые включают людей и неодушевленные предметы – артефакты, изобретения, технологию, элементы знания, объективированные в окружающем мире. Я еще не использовал эти рассуждения в моих собственных исследованиях, но пытаюсь заинтересовать в этом студентов.

- Интересы Мишеля Каллона более широки – насколько я помню из его расширенного введения к «Законам рынков»³. А кроме этих исследований, могли бы Вы назвать какие-то еще работы Бруно Латура и Мишеля Каллона, на которые следует обратить внимание?

- Что касается Латура, думаю, хорошая отправная точка здесь – его работа «Мы никогда не были современными»⁴, эту книгу легко найти. Другая книга – «Наука в действии»⁵. А также «Пастеризация Франции»⁶ – замечательное исследование.

- Насколько я знаю, Вас давно интересует французская экономическая социология. (Кстати, Лоран Тевено не определяет себя однозначно как экономсоциолог). А как у Вас возник такой интерес?

- Французская социология меня интересует давно. Еще в 1983 г. Л.Болтански и П.Бурдьё пригласили меня во Францию. Кроме того, я давно слежу за работами Бурдьё

³ Callon, Michel (ed.). *The Laws of the Markets*. Oxford: Blackwell, 1998.

⁴ Latour, Bruno. *Nous n'avons jamais été modernes: essai d'anthropologie symétrique*. Paris: Editions La Découverte, 1991; Latour, Bruno. *We Have Never Been Modern* // Translated by Catherine Porter. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993; Latour, Bruno. *Wir sind nie modern gewesen: Versuch einer symmetrischen Anthropologie*. Berlin: Akademische Verlag, 1995.

⁵ Latour, Bruno. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987.

⁶ Latour, Bruno. *The Pasteurization of France* // Translated by Alan Sheridan and John Law. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.

и других французских социологов. Думаю, они делают очень интересную и необычную работу. Так что если у меня и есть какие-то особые пристрастия, то это к Франции. Я считаю, что их работы отличаются особенным творческим подходом, особенно интересны.

- *И, наконец, последний вопрос: могли бы Вы назвать какие-то области, темы, которые кажутся Вам наиболее перспективными в экономической социологии? Какие-то подходы?*

- Я назвал бы здесь два важных новых направления. Об одном я уже говорил. А второй связан с отказом от рассуждений о сетях как о чем-то статичном и переходом к более динамичному их пониманию. Некоторые уже занимаются этим. В полной мере данная тема еще не разработана – так что, думаю, у сетевого анализа есть реальное будущее, причем, это касается не только совершенствования уже существующих методов и теорий, но и истинного продвижения вперед. Это рассмотрение сетей в динамических терминах.

- *Своего рода реорганизация сетей?*

- Того, как сети формируются, как меняются стабилизирующие их факторы, как они воспроизводятся, переходят из одного состояния в другое. Я пытаюсь это делать на примере Венгрии, где мне удалось собрать данные о структуре собственности крупнейших пятисот фирм, действовавших в венгерской экономике за последние десять лет. Полагаю, это будет интересным и полезным исследованием, поскольку данные весьма конкретны, а тема – чрезвычайно серьезна и важна.

Подобные лонгитюдные исследования дадут нам реальную возможность проследить, как сети складываются, трансформируются, затем, возможно, распадаются и исчезают. Я надеюсь, что в ходе этого анализа возникнут новые вопросы. Придут другие исследователи сетей, посмотрят и скажут: «Ммм, пожалуй, я знаю новый метод – и, пожалуй, вам стоит к нему присмотреться, поскольку он поможет вам гораздо лучше понять ваши данные». Думаю, этому будет сопутствовать и то, что происходит уже сейчас. Т.е. визуализация наших заявлений, когда мы уже не просто будем читать тексты, написанные аналитиками сетей, но и будем обращаться к их веб-сайтам, чтобы познакомиться с моделями двумерных и иногда квазитрехмерных пространств. Думаю, это вполне вероятно.

- *Начинаем с рисунков, затем переходим к демонстрации фильмов?*

- Да, и думаю, это будет играть важную роль. Полагаю, визуализация – это не просто способ представления результатов. Это также и способ самовыражения, позволяющий читателю, наблюдателю, пользователю найти нужную ему модель. Надеюсь, это будет чрезвычайно увлекательным.

Другая область касается вопросов новой экономики. Знаете, для некоторых идея новой экономики – это нечто когда-то появившееся и уже ушедшее в прошлое. В целом, я полагаю, что проблема данной интерпретации в том, что здесь смешивают понятия, новая экономика сводится к www.dot.com. Считают, что когда dot.com обвалится, новой экономики не станет. Возможно, термин «новая экономика» стал столь тесно ассоциироваться с этим явлением «dot.com», что он уже никогда не обретет полноценного значения. Но дело не в термине. Дело в понятиях и процессах, имеющих место в мире. Так что изучение форм знания и проблем оценивания [valuation], которые стоят перед людьми не только в условиях фондовых рынков и не только при капитализме, касается всех видов знания. Как мы оцениваем фирму, как мы оцениваем стоимость [worthiness] работников, обладающих знанием? Что должно быть единицей

оценивания? Например, если реальными активами фирмы являются не просто ее физические активы, но ее активы в сфере знания, и если мы не можем даже представить эти активы в сфере знания как нечто самостоятельное, не зависимое от сетей, в которые они встроены. Какова тогда единица оценивания этих активов в области знания – активов, выходящих за границы фирмы в традиционном понимании? Это будет очень интересной задачей. И эту задачу пытаются решить не только социологи. В США есть периодический деловой журнал, который называется «Рекомбинантный капитал».

Или же другая проблема. Есть особый тип услуг. Вы обращаетесь к базе данных, даете им название компаний, а они описывают вам сети, альянсы, в которых находятся эти компании. Вам дадут не просто список, но и обеспечат доступ к веб-сайту, где Вы сможете работать с различными видами двумерных и квази-трехмерных пространств, моделей, форм этих сетей. И это не просто новая игрушка в академической среде. Доказательство тому – подписка, и чрезвычайно дорогая – порядка трех тысяч долларов в одном из случаев, т.е. четыреста долларов в месяц. Либо вы можете платить за ограниченное почасовое пользование или, например, назвать им пять компаний и заплатить триста долларов – есть разные варианты. Очевидно, что у этих услуг есть рынок. Они бы ушли из бизнеса, если бы для них не было рынка. Но ребята, производящие и приобретающие эти данные, выстраивающие алгоритмы, работающие с веб-сайтами, безусловно, уверены, что рынок для них есть, что в финансовом сообществе, в деловом мире есть люди, которые скажут: «Нам недостаточно знать, что вы прилежно трудитесь в своей фирме, мы должны посмотреть не только на то, кто у вас занимает ведущие позиции, какова ваша финансовая основа, что вы производите и как осуществляются исследовательские работы, но и на ваши связи, на место фирмы в сетях».

- Да, это вполне разумно, но в российской действительности мне трудно представить, что возможно получить подобную информацию на коммерческой основе. Как правило, ее не разглашают.

- А в США открыто торгующие фирмы не являются секретом, все их альянсы, которые хоть в какой-то степени формализованы, регистрируются в АСС⁷, так что информация о них есть в открытом доступе. И вы просто нанимаете группу исследователей, которые следят за деловой прессой в определенной сфере, и можете дополнительно узнать все прочие связи интересующей вас фирмы – в том числе менее формализованные, хотя и вполне реально существующие. Можно получить такие данные и по России, они могут получиться несколько иными, но это не означает, что мы имеем дело с совершенно иным явлением. Так что, как я говорил, для термина «новая экономика» решающую роль играют вопросы оценивания.

Затем следуют вопросы технологии. Мне кажется, было бы ошибочным утверждать, что новые информационные и компьютерные технологии, а также интерактивные технологии коренным образом меняют организации, как это предсказывают технологические детерминисты или утописты. Но, думаю, столь же ошибочно было бы полагать, что новые интерактивные технологии никак не коснутся уже известных нам организационных форм. Что от нас требуется – так это понять, как можно применять эти новые технологии, как их использовать новыми, прежде не просчитываемыми способами, как они влияют на реальное функционирование организационных форм.

Вкратце я могу это описать, сославшись на опыт моей собственной кафедры в Колумбийском университете и рассказав, что мы пытаемся делать сейчас. В самом

---

⁷ Administrative Committee on Coordination. (Прим. перев.)

конце 1930-х, скорее даже в начале 1940-х гг. ее возглавлял Роберт Мертон. И он поставил тогда две параллельные исследовательские задачи. Первая была направлена на изучение истоков и функционирования бюрократии. Вместе со своими студентами – прежде всего, с Питером Блау, Алвином Гоулднером, Джеймсом Коулманом (каждый из которых, кстати сказать, в свое время стал президентом Американской социологической ассоциации) – он начал исследовать происхождение и функционирование бюрократии посредством целого ряда методов. Блау использовал малые группы, Коулман – опросы, Гоулднер – этнографию. Они изучали то, как возникла бюрократия, какие именно ее формы развивались, что это значит вообще – «бюрократическая организация»?

В то же время Мертон организовал параллельный проект – это было первое систематическое исследование массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Полом Лазарсфельдом они открыли Бюро радиоисследований. Первые контракты они заключили с Государственным департаментом США, это было во время Второй мировой войны. Мертон и Лазарсфельд задались вопросом: как мы, социологи, можем помочь своим союзникам? И они ответили: «Госдепартамент США снимает фильмы, нацеленные на привлечение максимального числа людей на сторону союзников. А уверены ли мы, что эти фильмы производят желаемый эффект?» В то время производители фильмов приходили к какому-нибудь высокому чину в Госдепартаменте, и тот говорил: «Да, пожалуй, это стоящий фильм». Это называлось пропагандой. Однако Мертон спросил: «А уверены ли мы, что наша аудитория видит то же, что и мы?». Так что они открыли Бюро радиоисследований, в работу которого входил анализ текстов на радио и рекламных роликов на телевидении. Они организовали первые фокус-группы, давали им прослушать минутные рекламные ролики и спрашивали: «Что вы услышали, что вам понравилось, какие мысли это у вас вызвало, какие ассоциации?». Они собирали по несколько человек в специальных кабинках, показывали им фильм. Перед человеком было две кнопки – красная и зеленая. Когда ему что-то нравилось или, наоборот, не нравилось, он нажимал ту или другую, у них было для этого достаточно времени, и можно было точно отследить... Так что задолго до того, как теоретики начали формально говорить о реакции аудитории, Лазарсфельд и Мертон проводили систематические исследования в этой области.

Но вернемся к нашему разговору. Чем они занимались? Они исследовали происхождение и функционирование бюрократии в эпоху массовой коммуникации. Что делаем мы? Нас интересует происхождение и функционирование организации, построенной на множестве связей [collaborative organization]. Не бюрократии. Конечно, бюрократия есть и сейчас, но есть также и новые, не-бюрократические формы, и мы еще не вполне понимаем эти новые, основанные на связях формы – менее иерархизированные, более гибкие, структурированные скорее горизонтально, нежели бюрократически. И мы занимаемся этим уже не в эпоху массовой коммуникации. Конечно, массовая коммуникация существует и поныне. Но мы живем в новую эпоху интерактивных средств массовой информации, основанных на связях [collaborative media]. Они исследовали массовое производство и массовую коммуникацию. Мы исследуем производство и коммуникацию, основанные на связях [collaborative production and collaborative communication]. И Боб Мертон сразу это уловил – когда я рассказал ему, он сразу загорелся, поддержал такой подход. Для Мертона и Лазарсфельда эти два исследования могли быть параллельными. Для нас же они должны быть сопряженными. Потому что в нашу эпоху организационная структура [design] неотделима от структуры цифрового интерфейса. В организации происходит

все больше и больше взаимодействий поверх ее границ, в онлайн-режиме существуют рабочие места, работает электронная почта, интернет, веб-сайты, и мы должны исследовать все это, ибо это неотъемлемая часть организационной формы. Так что полагаю, впереди еще много увлекательной работы по исследованию интернета, его роли в осуществлении связей между людьми, по исследованию новых форм коммуникации, новых моделей сетей между сообществами, потребителями и т.д., будет исследоваться также и то, что происходит внутри, в рамках организаций. Да, впереди еще много увлекательного.

Выборочная библиография работ Дэвида Старка

- Старк Д. Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах, в кн: Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и научн. ред. В.В.Радаев. М.: РОССПЭН, 2002 (в печати).
- Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопросы экономики, 1996. № 6. С. 4–24.
- Stark, David. "For a Sociology of Worth." Conference on Economic Sociology at the Edge of the Third Millenium, Moscow, January 2000. Available in a revisited version (*Экономическая социология*. Том 1, № 2, 2000. С. 7-36 //www.ecsoc.msses.ru).
- "Recombinant Property in East European Capitalism." *American Journal of Sociology*, Vol. 101, No. 4 (January 1996). P. 993-110.
- The Great Transformation? Social Change in Eastern Europe // *Contemporary Sociology*, May 1992.
- "La valeur du travail et sa rétribution en Hongrie." // *Actes de la recherche en sciences sociales*. Vol. 85, November 1990. P. 3-19. Available in English as "Work, Worth, and Justice." www.sociology.columbia.edu/faculty/stark/worth.
- "Coexisting Organizational Forms in Hungary's Emerging Mixed Economy." in: *Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe*, edited by Victor Nee and David Stark. Stanford: Stanford University Press. 1989. P. 137-168
- Rethinking Internal Labor Markets: New Insights from a Comparative Perspective // *American Sociological Review*, August 1986.
- Stark, David, and Laszlo Bruszt. One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism, // *American Journal of Sociology*, Vol. 106, No. 4, (November 2001). P. 993-110.
- Stark, David, and Laszlo Bruszt. *Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Bruszt, Laszlo and Stark, David. Remaking the political field in Hungary: From the politics of confrontation to the politics of competition // *Journal of International Affairs*, Summer 1991.
- Grabner, Gernot and Stark, David (eds.). *Restructuring Networks in Post-Socialism: Legacies, Linkages, and Localities*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1997.
- Grabner, Gernot and Stark, David. Organizing diversity: Evolutionary theory, network analysis and postsocialism // *Regional Studies*, July 1997.
- Nee, Victor, and David Stark with Mark Selden (eds.). *Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe* Stanford: Stanford University Press, 1989.